

Житие преподобной Евфросинии Полоцкой о ее дипломатической деятельности

(к проблеме интерпретации житийных текстов)

УДК 82.02/.09+930.2+327.8

Любовь ЛЕВШУН,
доктор
филологических наук,
доцент

Любовь ЛЕВШУН. Житие преподобной Евфросинии Полоцкой о ее дипломатической деятельности (к проблеме интерпретации житийных текстов). Анализ традиции дипломатического одаривания в византийской практике международных отношений позволяет автору прийти к заключению, что описанная в Житии преподобной Евфросинии передача в Полоцк списка иконы Богородицы Эфесской и отмеченный в надписи на кресте Лазаря Богши факт получения из Византии частиц христианских реликвий можно рассматривать как свидетельство присвоения «монастырю Святого Спаса и Пречистой Его Матери» статуса патриаршей ставропигии, первой в истории восточнославянских земель.

Ключевые слова: Житие Евфросинии Полоцкой, дипломатия Византии, икона Одигитрии Эфесской, крест Лазаря Богши, фаросские реликвии, патриаршая ставропигия.

Lyubov LEVSHUN. Hagiology of Saint Euphrosyne of Polotsk about her diplomatic activity (interpretation of the hagiographic texts). The author analyzes a tradition of gifting in the Byzantine diplomatic practices and concludes that the handover of a copy of the Korsun Icon of the Mother of God to Polotsk described in the Hagiology of St. Euphrosyne and the receipt of parts of the Christian relics from Byzantium described in the inscription on the Cross by Lazar Bohsha can be considered as the assignment to "the Monastery of Saint Savior and His Most Holy Mother" of the patriarchal stauropegion status, the first one in the history of the East Slavic lands.

Keywords: Hagiology of St. Euphrosyne of Polotsk, Byzantium diplomacy, Korsun Icon of the Mother of God, the Cross by Lazar Bohsha, Pharos relics, patriarchal stauropegion status.

Преподобная Евфросиния Полоцкая – одна из немногих святых жен, прославленных Православной Церковью в домонгольскую эпоху. В религиозном сознании современных белорусов образ святой покровительницы нашей земли воспринимается как один из наиболее значимых символов национально-культурной идентичности. В сфере же секулярного мирозерцания личность Евфросинии Полоцкой выступает как знаковая фигура, один из своего рода символов национальной идентичности, который используется во всех областях социально-культурного и отчасти политического дискурсов.

Почитание этой святой и изучение связанных с ее деятельностью обстоятельств активизировалось в конце XIX – начале XX века, особенно после 1910 года, когда в Полоцк из Киево-Печерской лавры были перенесены

[ОБ АВТОРЕ]

ЛЕВШУН Любовь Викторовна.

Родилась в г. Витебске. Окончила Белорусский государственный университет (1988), аспирантуру при Институте мировой литературы имени А.М. Горького (Москва, 1991). С 1991 года в Институте литературы имени Янки Купалы АН Беларуси (потом – Институт языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси), в 2010–2012 годах возглавляла сектор истории белорусской литературы. С 2012 по 2018 год – заместитель директора по науке Центра семейного воспитания «Наше Городище». С 2018 года – профессор кафедры

стилистики английского языка Минского государственного лингвистического университета.

Доктор филологических наук (2012), доцент (2019).

Автор более 150 научных работ, в том числе учебного пособия, пяти монографических исследований, четырех коллективных работ, сборника древних текстов, изданных по рукописям, нескольких научно-просветительских изданий.

Сфера научных интересов: восточнославянская медиевистика, теория и история восточнославянской средневековой книжности и культуры белорусских земель.

Памятник Святой покровительнице Беларуси в Полоцке

На входе в Спасо-Евфросиниевский монастырь можно увидеть сохраненное при реставрации стенописи Спасо-Преображенской церкви изображение неизвестной святой

мощи преподобной, и получило новый мощный импульс в эпоху напряженного конструирования белорусской национальной героики, когда для осознания, утверждения и развития «белорусской идеи» стал совершенно необходим национальный героический пантеон. Собиратели белорусской национальной героики, в числе прочего, небезосновательно обратились к личностям правителей Полоцкого княжества, среди которых и княжна-игуменья, внучка двух великих своими деяниями князей – Всеслава Брючиславича Полоцкого и Владимира Всеволодовича Мономаха.

Однако, как справедливо заметил А.Д. Гронский, национальный герой «представляет собой не конкретного человека, а некий идеальный образ, который <...> быстро обрастает легендами и мифами <...> начинает транслироваться в художественной литературе, восприятие этого образа становится шаблоном, а этот шаблон как объективную реальность начинают использовать околонуточные исследователи-популяризаторы и даже иногда серьезные учёные» [1, с. 48–49].

Войдя в пантеон национальных героев, образ преподобной Евфросинии Полоцкой, безусловно, дорогой для каждого белоруса, подвергся всем отмеченным А.Д. Гронским метаморфозам и превратился в своего рода культурологический симулякр-мифологему, выполняющий все культурно-созидательные, социальные и даже геополитические функции, но вместе с тем затемняющий истинный масштаб удивительной личности Евфросинии, скрывающий многие грани ее деятельности и истинное значение деяний преподобной в истории Полотчины. Так, в восприятии многих людей, в учебной литературе, а зачастую и в научном обиходе святая полоцкая игуменья представлена как просветительница белорусских земель, заложившая основы книгописания и женского образования. Такое восприятие сильно обедняет совершенное преподобной. В частности, доселе за рамками исследований и, кажется, вообще за пределами интересов ученых, остаётся дипломатическая деятельность преподобной Евфросинии.

Правда, еще в 1970 году В.Л. Янин, основываясь на находке в Новгороде печати с изображением преподобной Евфросинии Александрийской и решив, что эта печать принадлежала Евфросинии Полоцкой, предположил: «владелица нашей буллы должна занимать особое место в политической (и, значит, дипломатической. – Авт.) истории Древней Руси, чтобы в отличие от других монахинь иметь право на собственную печать» [2, с. 18]. Характеризуя это явление, исследователь первым произнес слово «матриархат»: «Не только женщины "в миру", но даже монахиня занимаются таким не женским делом, как оформление официальных документов. Что за матриархат в феодальном

Список чудотворной Эфесской иконы
Божьей Матери

Спасо-Преображенский храм Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря – памятник архитектуры XII века. Этот храм удивителен тем, что в нем на 90% сохранились средневековые фрески

княжестве?» [2, с. 19]. Однако так называемый полоцкий матриархат был решительно опровергнут Л.В. Алексеевым [3, с. 58–59], а несколько позже А.В. Майоров доказал, что печать, на основании которой делал свои выводы В.Л. Янин, принадлежала не полоцкой игуменье, а жене галицко-волынского князя Романа Мстиславича, дочери византийского императора Исаака II княгине Евфросинии, жившей в XIII веке. [4]. Но в 2015 и 2017 годах во время реставрационно-археологических работ у южной стены Спасского храма в Спасо-Евфросиниевском монастыре в Полоцке были найдены несомненно принадлежавшие преподобной Евфросинии буллы с изображением преподобной Евфросинии Александрийской с одной стороны и Христа Пантократора, сходным с фресковым изображением в Спасском храме, с другой. Следовательно, полоцкой игуменье все же приходилось заниматься «таким не женским делом, как оформление официальных документов». И эта сторона ее деятельности может и должна в свое время стать темой отдельного серьезного исследования.

Дипломатическую деятельность полоцкой игуменьи несомненно отражает текст ее Жития при правильном интерпретационном подходе к нему. Так, в Житии преподобной упомянуты: получение преподобной Евфросинией от византийских императора и патриарха списка чудотворной Эфесской иконы Божьей Матери; создание большого монастырского комплекса в Сельце по образцу императорских монастырей Константинополя; личное общение с императором Мануилом ранней весной 1173 года и почетный императорский эскорт, предоставленный полоцкой игуменье; патриаршее (опять же при личной встрече) благословение; прецедентное внеурочное открытие Золотых ворот Иерусалима; возможность лично поставить лампаду у Гроба Господня и т. д. Все это свидетельствует о высоком международном дипломатическом статусе и авторитете преподобной Евфросинии Полоцкой, на что пока не обращали внимания малочисленные исследователи ее Жития.

Все эти события, рассмотренные в их культурно-историческом контексте, являются не только свидетельством, но и результатом как внутренней (в пределах Киевской Руси), так и международной дипломатии полоцкой игуменьи.

Наиболее показательные из них – разумеется, получение преподобной из Византии списка чудотворного образа Эфесской Одигитрии и зафиксированный в надписи на Кресте Лазаря Богши факт дарения Евфросинии частиц христианских реликвий, в том числе Креста распятия, вложенных позднее в воздвизальный крест-реликварий.

Передача полоцкой игуменье чудотворной иконы Одигитрии Эфесской, о чем сообщается во всех известных ныне списках Жития преподобной, была обычным актом в дипломатической практике ромеев: списки чудотворных икон довольно часто становились дипломатическими дарами византийцев. Особенно ценились Богородичные

образа, чьим архетипом считались иконы Девы Марии, написанные при ее жизни самим апостолом Лукой. Известно, что Богородица почиталась ромеями как заступница империи и покровительница византийских царей, а потому списки ее чтимых икон, переданные в другие земли, символизировали распространение имперской иеротипии на дружественные Византии страны, к которым, несомненно, относилась и Русь. Так, в 989 году, согласно летописному свидетельству, князь Владимир возвращался из Корсуни «поима съсуды церковныя и иконы на благословенье себе» [5]. Причем, как отмечает А.И. Шалина, «определение "корсунские" ассоциировалось с работой греческих мастеров», о чем «свидетельствуют летописи: "святыя иконы чудотворныя, Корсунския, писма Греческих живописцев", "иконы драгия Греческия, сиречь Корсунския", "не одна та икона ис Корсуны привезена Греческаго писма"» [6, с. 183, 399–400; 7, с. 169].

Около 1130 года икона Божией Матери типа Умилиение/Елеуса (известная ныне как Владимирская) и еще одна – типа Путеводительница/Одигитрия (известная ныне как Пирогощая) были подарены киевскому князю Мстиславу Владимировичу, «ую», то есть дяде по матери преподобной Евфросинии, прибывшим в Киев из Константинополя митрополитом Михаилом [5, 1155 г.]. Елеуса находилась в женском Богородичном монастыре княжеской резиденции в Вышгороде, пока ее не похитил оттуда в 1155 году князь Андрей Боголюбский, двоюродный (по матери) брат преподобной Евфросинии.

В 1196 году, согласно данным Суздальской летописи, во Владимир «принесена бысть дека ис Селуня гробня ста Дмитрия месяца генваря в 10 день на память стаго отца Григория Нисьскаго» [8, 6705 г.], то есть образ святого Дмитрия Солунского, выполненный на гробовой доске святого. Разумеется, такой ценный образ не мог быть вывезен из империи по чьей-то частной инициативе.

Икона Божьей Матери, известная ныне как Ченстоховская, согласно преданию, была получена в конце XIII века галицко-волынским князем Львом Даниловичем из самого Константинополя, и вероятно – как свидетельство и залог некоего дипломатического соглашения.

В случае передачи Эфесской Одигитрии в Полоцк обращает внимание то, что эта «дипломатическая церемония» произошла на самом высоком уровне: в ней участвовали сам император Мануил Комнин и Константинопольский патриарх Лука Хрисовберг, как свидетельствует о том текст Жития в целом ряде списков: «царь <...> посла в Ефес седмьсот оружик своих. И шедше принесоша икону святыя Богородица в Царьград. Патриарх же Лука собра епископы и собор весь во Святую Софию и, благословив, даст ю слуге преподобныя Еуфросинии». Тому, безусловно, есть причины.

Прежде всего, заметим, что преподобная пожелала иметь в Полоцке именно Эфесскую Одигитрию, а не более почитаемую Царьградскую. Выбор неслучаен: во-первых, с иконой Богородицы Эфесской связывалось осуждение отцами III Вселенского собора (431 год) ереси несторианства, отвергавшей нераздельно-неслиянное соединение в Христе «двух естеств» – Бога и человека и потому отказывавшей Деве Марии в именовании Богородица. Собор проходил в Богородицком храме г. Эфеса. Об этом упоминает, в частности, игумен Даниил, посетивший Эфес во время паломничества в Святую землю в 1104–1106 годах: «И ту (в Эфесе. – *Авт.*) есть в ветсьй церкви икона святыя Богородица, ею же святии препрѣша Несториа еретика» [9]. Во-вторых, в 50-е годы XII века Церковь вновь всколыхнула богословские споры по поводу соединения во Христе божественной и человеческой природы, на этот раз – в форме дискуссии о том, кому приносится Евхаристическая жертва: Богу-Отцу или всей Троице. Причем известно, что исход патриаршего собора по этой проблеме, состоявшегося 26 января 1156 года, решило яркое выступление митрополитов Константина Киевского и Георгия Торника Эфесского. О том, что преподобная Евфросиния знала об этих спорах, следила за ними, разделяя позицию Георгия Эфесского и Константина Киевского, свидетельствует, по мнению В.Д. Сарабьянова, программа фресковой росписи Спасской церкви [10, с. 40, 44].

Показательно и то, что с просьбой о присылке списка чудотворной Эфесской иконы преподобная обращается к императору Мануилу, инициировавшему созыв собора, и патриарху Луке Хрисовбергу, первым известным актом которого после интронизации (1156 год) стало утверждение анафемы главе еретичествующих – нареченному патриарху Антиохийскому Сотриху Пантевгену [11]. Следовательно, в словах Жития «видевъ же царь любовь ея» можно видеть как минимум свидетельство некоей причастности полоцкой игуменьи к этим важным для церковной жизни событиям, которые были неотделимы от государственно-политической жизни Византии.

Вместе с иконой Эфесской Одигитрии преподобной Евфросинии, по мнению И.А. Шалиной, «не без содействия высших духовных властей Константинополя удалось получить для Полоцка бесценные реликвии: частицы древа

креста Господня с каплей крови Спасителя, частицы камней гроба Господня и гроба Богоматери, частицы мощей святых мучеников Стефана и Пантелеймона, кровь святого Димитрия» [12, с. 205]. Факт этот не отмечен ни в известных списках Жития преподобной Евфросинии Полоцкой, ни в надписи на кресте-реликварии (1161 год), куда мастер Лазарь Богша вложил эти святыни; вероятнее всего, список, послуживший протографом для всех иных списков и редакций Жития, был поврежден или же намеренно отредактирован. Однако помещенный в современный ему культурно-исторический контекст этот факт представляется очевидным и неоспоримым.

Прежде всего историками дипломатии неоднократно отмечалось, что разнообразные дары (от флотилии кораблей до христианских реликвий), врученные ромеями в ходе дипломатических церемоний, являлись и воспринимались обеими сторонами как материальные свидетельства актов символической коммуникации [13, с. 281], а «использование символики ритуала», по наблюдению исследователей, являлось одним из действенных методов византийской дипломатии [14, с. 3] при общении с партнерами и оппонентами различных социально-политических статусов.

В частности, об «обычных в дипломатической практике материальных "подарках" "ромеев" послам Руси по случаю успешно заключенного соглашения» [15, с. 29], свидетельствуют такие описанные в летописи события, как визит княгини Ольги в Царьград, когда император «дать ей дары многи, злато и серебро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю», а также договоры 911, 944, 955 годов и др., когда, по мнению исследователей, дипломатическое одаривание имело политическое по сути своей воздействие [15, с. 30].

Действенность этой методологии дипломатического общения особенно усиливалась в отношениях с христианскими странами и передаче их представителям христианских реликвий: «христианизированные Византией народы становились в положение как бы духовных детей» Восточной Римской империи [16, с. 42], а потому передача христианских реликвий не только придавала скрепляемым этим актом политическим договорам дополнительные гарантии, но и в прямом смысле сакрализовала их. «Реликвия не только несла образ сакрального пространства, но и в определенном смысле являлась его неотъемлемой частью, которая могла быть перенесена в сколь угодно отдаленные края христианского мира» [17, с. 89]. Кроме того, «дары храмам и монастырям <...> снабжение культовой утварью христианских церквей в различных странах увеличивали престиж Византийского государства и содействовали распространению драгоценных произведений искусства византийских мастеров далеко за границами империи» [18, с. 177].

Главным реликвариумом империи ромеев в IX–XIII веках, в котором сохранялись многие главнейшие христианские святыни, являлся дворцовый храм Богородицы Фаросской – «храм Божий, дворец Господа Пантократора, покои (Богородицы) Икокиры (госпожи дома. – *Авт.*)», как охарактеризовал его Николай Месарит († после 1216), ризничий этой церкви, в «Слове о реликвиях церкви Богоматери Фаросской в Константинополе» [19, с. 206]. Это была домовая церковь византийских государей, «занимавшая место, в некоторых отношениях сопоставимое с рангом собора Св. Софии» [15, с. 23]. Весьма значимую роль в дипломатии ромеев, по мнению М.А. Васильева, играли «повторявшиеся и непосредственно связанные с константинопольским храмом Богоматери Фаросской приемы («эффекты») политического и религиозного идеологического воздействия на верхушку некоторых окружавших ее "варварских обществ"», как и представителей уже христианизированных земель, в каких императорский двор был наиболее заинтересован [15, с. 33]. В числе этих приемов «политического и религиозного идеологического воздействия» наиболее эффективным и эффективным было дарение частиц христианских реликвий, хранившихся в Фаросском храме-реликварии. Даруемые частицы святынь могли быть вложены в ковчеги-реликварии, также созданные «по образцу византийского императорского реликвария, хранившегося в Фаросской церкви» [17, с. 73]. Сейчас этот фаросский реликварий известен как «Лимбургская ставротeka» (по месту хранения в немецком городе Лимбурге-на-Лане): «центральную реликвию Честного Древа (семь щепочек, вмонтированных в крест из сикоморы) обрамляют десять реликвий в особых гнездах с надписями» [17, с. 73]. Подобные фаросскому реликварию «драгоценные кресты со священными вложениями были инструментом дипломатии» ромеев на протяжении многовековой истории Византии [20, с. 6]. Среди них, в частности, – реликварий Честного Креста, посланный императорами Василием II и Константином VIII в Армению в 983 году; в нем частицу Честного Древа дополняли частицы Губки, Лентиона, Пеленок Христа и Гвоздя [17, с. 73–74]. Реликварий «Святое Святых» с частицами Крестного древа (ныне находится в музее Апостольской библиотеки Ватикана (Museo Sacro della Biblioteca Apostolica, Vatican City, inv.1898 a,b) являлся особым даром, присланным в X веке одному из римских пап из Константинополя

Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в Полоцке

[21, с. 185–187]. В 1241 году король Людовик Святой привез в Париж и вложил в сокровищницу Сент-Шапель взятый им из Фаросской церкви Константинополя реликварий, называемый «Явление Ангела женам-мироносицам» (по изображению на нем), в котором хранился камень от Гроба Господня (сейчас находится в Лувре). В более позднюю эпоху Софья Палеолог привезла на Русь «ковчег-мощевик с изображением на лицевой стороне Сошествия во ад, выполненный в технике перегородчатой эмали, и пространной греческой надписью, перечисляющей священные вложения, на обороте. Это и замечательное произведение перегородчатой эмали XII века, и редкостный мощевик: его тридцать священных вложений были «уделены» от святынь, хранившихся в Фаросской церкви Богородицы Большого императорского дворца в Константинополе. <...> Скорее всего, ковчег был сооружен как императорская наперсная икона и в течение столетий сохранялся в казне византийских правителей. Именно эта икона, своего рода «сумма» святынь утраченного Константинополя, могла быть принесена русскому великому князю, в котором европейские интеллектуалы, способствовавшие его браку с Зоей Палеолог, видели возможного освободителя Константинополя» [20, с. 11].

Известны также акты передачи не реликвария, содержащего частицы многих святынь из церкви Богородицы Фаросской, но одной из них. Так, в Фульдских анналах рассказывается о частице Крестного дерева, принесенной в 872 году в дар Людовику Немецкому посольством от византийского императора Василия I [13, с. 195]. Князь Владимир Святой перенес главу священномученика Климента и мощи его ученика св. Фивы из Херсонеса в Киев и положил их в Десятинной церкви – деяние, совершенное, во всяком случае, не без ведома византийского императора, благодарного Владимиру за военную помощь. Причем частица мощей священномученика Климента была позже передана шалонскому епископу Роже, приехавшему в составе посольства сватать княжну Анну Ярославну за французского короля. В 1123 году, когда «внучка киевского князя (Владимира Мономаха. – Авт.) стала женой сына василевса Иоанна, на Русь была отправлена еще одна из ценнейших христианских святынь – перст Иоанна Крестителя» [5, с. 286; 22, с. 340–341]. Десница Предтечи использовалась для коронации византийских императоров, поэтому обладание частицей его мощей существенно повышало престиж Руси [23, с. 121–122].

Эти и другие известные факты передачи христианских святынь в качестве дипломатических даров позволяют заключить, что и преподобная Евфросиния получила в дар от византийского императора и Константинопольского патриарха, вероятнее всего, частицы тех святынь, что хранились в константинопольском храме-реликварии

Богоматери Фаросской: достаточно сравнить перечень фаросских святынь и тех реликвий, что были вложены Лазарем Богшей в воздвизальный крест-реликварий.

То обстоятельство, что полученные из Византии Эфесская Одигитрия и реликвии, вложенные в воздвизальный крест, были помещены Евфросинией Полоцкой соответственно в Богородичную и Спасскую церковь созданного ею в Сельце монастырского комплекса, подтверждает предположение И.А. Шалиной о характере последнего: «монастыри, основанные преподобной во имя Всемилоственного Спаса Вседержителя и Богородицы, исполняли ту же роль, что и императорские монастыри в Константинополе: Спаса Человеколюбивого (Христа Филантропа) и Богоматери Кехаритомени, ктиторами которых были Алексей I и его супруга Ирина Дукина; но особенно Спаса Вседержителя (Пантократора), устроенный императором Иоанном II», которые имели особый статус [12, с. 205]. Иначе говоря, «монастырь Святого Спаса и Пречистой Его Матери» в Сельце был замышлен Евфросинией, по аналогии с константинопольскими императорскими монастырями, как родовой княжеский монастырский комплекс полоцких Рогволодовичей, и ктиторами его, по мнению преподобной, должны были быть все князья Полоцкого дома. Вероятно, Евфросиния прилагала все усилия, чтобы обеспечить этому особенному княжескому монастырю и особый статус. Таким образом, акт передачи в Полоцк бесценных христианских святынь – списка чудотворного образа Богородицы Эфесской и частиц фаросских реликвий – нужно, думается, рассматривать как свидетельство и вместе с тем акт ратификации некоей важной договоренности между императорским двором и Константинопольским патриархом, с одной стороны, и полоцкой игуменьей как представительницей княжеской ветви Рюриковичей-Рогволодовичей, с другой. Не исключено, что эта договоренность касалась именно статуса монастырского комплекса в Сельце и дарованные святыни знаменовали присвоение «монастырю Святого Спаса и Пречистой Его Матери» статуса патриаршей ставропигии. Если наши выводы верны, то результатом дипломатической деятельности преподобной Евфросинии стало утверждение в истории Русской Православной Церкви первой патриаршей ставропигии. Еще одна появилась лишь спустя более двухсот лет – в 1383 году этого статуса был удостоен московский Симонов монастырь.

Статья поступила в редакцию 15.02.2021 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гронский, А.Д. Попытка конструирования белорусской национальной героики в начале XX в. К вопросу становления белорусского национализма / А.Д. Гронский // Современные политические процессы на Украине. Под редакцией И.П. Добаева, Э.А. Попова. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – С. 48–57.
2. Янин В.Л. Полоцкий матриархат // Знание – сила. – 1970. – № 12. – С. 17–19.
3. Алексеев, Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. – Кн. 2. – М.: Наука. – 2006. – 167 с.
4. Майоров, А.В. Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси: княгиня и монахиня / А.В. Майоров // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2010. – № 1. – С. 76–106.
5. Ипатьевская летопись [Электронный ресурс] // Полное собрание русских летописей. Изд-е 1-е. Т. II. – СПб., 1843. – 392 с. – Режим доступа: http://psrl.csu.ru/toms/Tom_02.shtml. – Дата доступа: 20.11.2017.
6. Новгородская третья летопись // Полное собрание русских летописей. Изд. 2-е. Том III. Вып. 2: Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). – СПб., 1879. – 628 с.
7. Шалина, И. А. Корсунские иконы в контексте «корсунских реликвий» / И.А. Шалина // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М., 2019. – Т. 38. – С. 169–188.
8. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. – Т. I, вып. 2. – Л., 1927. – 488 с.
9. Хождение игумена Даниила // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. – Санкт-Петербург: Наука, 1987–2005. – Т. 4: XII век. – СПб., Наука. – 1997. – С. 26–117.
10. Сарабьянов, В.Д. Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески / В.Д. Сарабьянов. – М.: Северный паломник, 2007. – 176 с.
11. Виноградов, А.Ю., Желтов, М.С. Церковная политика Константинопольской патриархии при Мануиле I Комнине и кризис Русской митрополии в 1156–1169 гг. [Электронный ресурс] / А.Ю. Виноградов, М.С. Желтов // Электронный научнообразовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10. – Выпуск 9 (83). – Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840006961-6-1/> – Дата доступа: 08.12.2019.

12. Шалина, И.А. Богоматерь Эфесская-Полоцкая-Корсунская-Торопецкая: исторические имена и архетип чудотворной иконы / И.А. Шалина // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Сост. А.М. Лидов. – М.: Мартис, 1996. – С. 200–251.
13. Ануфриева, А.С. Отражение актов политико-символической коммуникации в сочинениях оттоновского времени: Дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук: 07.00.03 / А.С. Ануфриева. – М., 2016. – 424 л.
14. Бибииков, М.В. Договоры Руси с греками и византийский дипломатический этикет // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. IX чтения памяти В. Пашуто. – М., 1997. – С. 3–6.
15. Васильев, М. А. Константинопольский храм Богоматери Фаросской в дипломатических акциях Руси и Византии первой половины X века / М.А. Васильев // Славянский альманах. – 2016. – № 3–4. – С. 17–37.
16. Бибииков, М.В. Русско-византийские договоры X века в контексте дипломатического этикета эпохи / М.В. Бибииков // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ Ι ΠΟΛΙΣ: материалы X Международного Византийского Семинара, Севастополь – Балаклава, 28 мая – 1 июня 2018 г. / Институт археологии Крыма РАН; отв. ред. Н.А. Алексеенко. – Севастополь; Симферополь, 2018. – С. 39–46.
17. Лидов, А.М. Церковь Богоматери Фаросской Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень / А.М. Лидов // Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. – М.: «Дизайн. Информация. Картография», 2009. – С. 69–107.
18. Удальцова, З. В. Византийская культура / З.В. Удальцова; отв. ред. Е.В. Гутнова. – М.: Наука, 1988. – 288 с, ил. – (Серия «Из истории мировой культуры»).
19. Реликвии в Византии и древней Руси: Письменные источники / Ред.-сост. А.М. Лидов. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 440 с.
20. Стерлигова, И. Византийские святыни и драгоценности московских государей / И. Стерлигова // Наше наследие. – 2010. – № 93–94. – С. 2–23.
21. Лидов, А.М. Чудотворные иконы Софии Константинопольской Император как создатель сакрального пространства А.М. Лидов // Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. – М. : «Дизайн. Информация. Картография», 2009. – С. 159–207.
22. Лосева, О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV века / О.В. Лосева. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 427 с. – (Studia historica).
23. Роменский, А.А. Несостоявшийся василевс и его киевские родственники: авантюра лже-Льва Диогена в Подунавье в контексте русско-византийских отношений начала XII в. / А.А. Роменский // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ Ι ΠΟΛΙΣ: материалы X Международного Византийского Семинара, Севастополь – Балаклава, 28 мая – 1 июня 2018 г. / Институт археологии Крыма РАН; отв. ред. Н.А. Алексеенко. – Севастополь; Симферополь, 2018. – С.39–122.